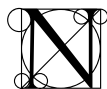

(PHILOSOPHY)

Бертран
РАССЕЛ

Брак и мораль

ACT
МОСКВА

УДК 173
ББК 87.7
P24

Серия «Философия – Neoclassic»

Bertrand Russell

MARRIAGE AND MORALS

Перевод с английского *Ю. В. Дубровина*

Серийное оформление и дизайн переплета —
А. А. Кудрявцев, А. Б. Ткаченко, студия «*FOLD & SPINE*»

Печатается с разрешения издательства Routledge,
a member of the Taylor & Francis Group,
copyright of The Bertrand Russell Peace Foundation.

Рассел, Бертран.

P24 Брак и мораль / Бертран Рассел ; [пер. с англ.
Ю. В. Дубровина]. — Москва : АСТ, 2015. — 320 с. —
(Философия – Neoclassic).

ISBN 978-5-17-089747-6

«Брак и мораль».

Книга, за которую Рассел получил Нобелевскую премию.

Книга, в которой изложена история возникновения и развития институтов брака и семьи и затрагиваются вопросы, волнующие каждого из нас, — брак и развод, верность и измена, секс и любовь.

УДК 173
ББК 87.7

© Bertrand Russell, 1929
© Перевод. Ю.В. Дубровин, 2004
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2015

ISBN 978-5-17-089747-6

Предисловие

В историю XX в. навсегда войдут не только имена политиков, диктаторов и полководцев, но и имена великих ученых, философов и писателей. Среди них имя Бертрана Рассела будет сиять как звезда первой величины.

Бертран Рассел родился 18 мая 1872 г., в одной из аристократических семей Великобритании, корни которой уходят в далекое прошлое, во времена норманнского завоевания. В возрасте четырех лет он остался круглым сиротой и до восемнадцати лет воспитывался в доме своего деда по отцу лорда Джона Рассела, премьер-министра Великобритании. Дед умер, когда внуку исполнилось шесть лет, и Бёрти остался на попечении бабушки, леди Френсис. Воспитание было строго пуританским, но лишь благодаря такому воспитанию у Рассела могли появиться черты характера, которые остались неизменными до последних лет жизни: самодисциплина, высокая порядочность, любовь к порядку и упорство в достижении поставленной цели. Кроме того, леди Френсис позаботилась, чтобы внук рос здоровым и крепким — его день начинался с холодной

ванны и физических упражнений, — и это помогло ему сохранить в течение всей долгой жизни бодрость духа и здоровье.

Леди Френсис, имея перед глазами пример старшего внука Фрэнка — он был на семь лет старше Бёрти, учился в одной из частных школ и неприязненно относился к своей бабке, — твердо решила, что Бёрти никогда не переступит порог частной школы, хотя это и нарушало традиции британской аристократии. К счастью, в этом ей никто не мог помешать. Учителя приходили к нему домой, и он мог удовлетворить свою любознательность, читая книги из огромной библиотеки своего деда, в которой были не только книги по истории, политике и экономике, но и книги английских поэтов и писателей. Старый одноэтажный особняк, стоявший на склоне холма в большом заброшенном парке, однажды посетила королева Виктория, заглянувшая к своему ушедшему на покой премьер-министру. Говорят, что Бёрти, которому шел пятый год, сидел у нее на коленях, но, скорей всего, это одна из легенд. Мальчик гулял по заросшим травой тропинкам — парк занимал площадь в несколько гектаров — и любил смотреть, как садится солнце, вдали блестит лента реки Темзы и на самом краю горизонта виднеется Виндзорский замок. Всю жизнь Рассел будет стремиться жить там, где есть возможность побродить по зеленым лужайкам, послушать пенье птиц и видеть в небе солнце, не закрытое от взора стенами зданий.

Когда начались занятия по математике, стало ясно, что у мальчика большие способности к этому предмету. После того как он сдал экзамены в школе, где учащиеся проходили в течение года курс, необходимый

для сдачи экзаменов, он решил поступать в Кембриджский университет, в знаменитый Тринити-колледж, где учился великий Ньютон и работали многие выдающиеся английские математики. Сдав в 1889 г. вступительный экзамен, Рассел стал студентом и вскоре подружился с одним из преподавателей, молодым математиком Альфредом Нортм Уайтхедом, который был старше Рассела всего на десять лет. Спустя десять лет Уайтхед и Рассел начали работать над одним из выдающихся в истории математики трудов, книгой «Principia Mathematica», в которой авторы, прежде всего Рассел, попытались создать непротиворечивую аксиоматическую теорию математики, построенную на логической основе и с помощью символической (математической) логики.

Обучение в университете, знакомство и дружба с молодыми людьми, ставшими впоследствии видными учеными и философами, помогли Расселу избавиться от скованности и закомплексованности, которые были результатом строгого домашнего воспитания. Вместе с тем острота ума, способность мыслить строго логически и большая эрудиция помогли ему быть на равных в любой компании и аудитории. Однако запреты на все, что связано с сексом, разбудили в нем страстное желание любить и быть любимым.

Это произошло, когда он уже был студентом. Однажды летом он и его старший брат пошли прогуляться и решили зайти к знакомым Фрэнка. В одном из загородных домов жила семья американцев Пирсол-Смит: мать, отец и трое взрослых детей. Старший сын Логан стал впоследствии довольно известным писателем. Старшая дочь Мери была уже замужем за подававшим

большие надежды адвокатом, но вскоре развелась с ним, чтобы выйти замуж за Бернарда Беренсона, молодого американского еврея, ставшего впоследствии выдающимся критиком и историком искусства. Младшая дочь Элис была еще не замужем, она была старше Бёрти на пять лет. Всякий раз, как в университете начинались каникулы, студент Рассел непременно появлялся в гостиной дома Пирсол-Смитов, и всем стало ясно, что он по уши влюблен в Элис. Она приняла это как должное, но ее отношение к нему было сдержанным и довольно холодным. Она подозревала — и не ошиблась в этом, — что в груди Бёрти Рассела кипит любовная страсть.

«Для меня, как и для Гёте, — писал Рассел спустя многие годы, — Америка казалась романтической землей свободы. Благодаря им (т.е. Пирсол-Смитам. — *Перев.*) я освободился от многих предрассудков, которые так мешали мне дома. И прежде всего мне было приятно, что они были совершенно лишены того, что называют хорошим вкусом». Однако для Пирсол-Смитов и прежде всего для матери семейства Бёрти Рассел был представителем чуждого им класса, про который миссис Пирсол-Смит однажды сказала: «Если бы я жила в Англии, я хотела бы принадлежать к аристократии». В доме своей будущей жены Рассел познакомился с Джорджем Сантаяной, другом Фрэнка, американцем испанского происхождения. Он уже окончил Гарвардский университет по философскому отделению, издал сборник стихов и обдумывал свои философские труды, благодаря которым он стал одним из выдающихся философов XX столетия, обладающим еще и большим литературным даром. «Странно было видеть Бёрти, —

писал Сантаяна спустя полвека, — и особенно его брата, обедающими у этих американских квакеров, и слышать, как сестры обращаются к старшему брату, называя его Фрэнк. Я ни разу не слышал, чтобы его так называли друзья или его жены. Но Расселы никогда не осознавали свое истинное место в мире, потому что для них было характерно сочетание гениальности с глупостью и беззаботностью».

Окончив осенью 1893 г. с отличием университет, т.е. сдав так называемый математический *trips*, который вызвал у Рассела странное чувство отвращения к математике, он остался в университете еще на год, чтобы прослушать некоторые философские курсы. Философия все больше привлекала его внимание, и поскольку в конце XIX в. в английской философской мысли господствовала гегельянская философия, правда весьма своеобразно интерпретируемая, Рассел примкнул к гегельянкам и специально ездил в Оксфорд, чтобы познакомиться с Брэдли, автором знаменитой книги «Видимость и реальность». В 1894 г. он принял участие в конкурсе, который в случае победы давал Расселу возможность стать fellow Тринити-колледжа. Fellow — это что-то вроде аспиранта, но здесь имеется и существенное отличие: fellow, т.е. официально признанный член коллектива ученых колледжа, получает от колледжа стипендию, живет вне общежития для студентов, ему предоставляется квартира для преподавателей, и он обязан в течение шести лет ежегодно выступать перед учеными колледжа с изложением какой-либо научной работы. Рассел представил на конкурс работу по основаниям геометрии, которую Уайтхед считал спорной и сомневался, что она поможет Расселу победить на кон-

курсе. Однако все оказалось иначе, и Рассел почувствовал новый прилив сил.

В сентябре 1894 г. он наконец решился сделать Элис предложение, которое было, конечно, принято. В мае прошлого года он стал совершеннолетним. Вступив в права наследства, он получил довольно большую сумму, завещанную ему отцом. Теперь он и Эллис могли жить одним домом.

Леди Френсис косо смотрела на отношения ее дорогого внука с какими-то вульгарными американскими квакерами. Зная, какими блестящими способностями обладает Бёрти, она уже видела его на дипломатической службе, за которой должны были следовать членство в парламенте и затем пост премьер-министра. Она решила сделать все, что было в ее силах, чтобы помешать этому странному браку. Конечно, она воспользовалась своими связями, — как кто-то сказал, все аристократы в родстве друг с другом, — и добилась того, что Бёрти получил место секретаря в британском посольстве в Париже. Правда, без жалования и на ограниченный срок. Он покорно поехал в Париж, но заявил бабке, которую начал ненавидеть, что он все равно женится на Элис, когда вернется.

Брачная церемония совершилась 13 декабря 1894 г. в молельном доме квакеров в Лондоне. Шафером был Чарлз Тревельян, один из кембриджских друзей Рассела, на церемонии не было никого из его родственников. За два дня до этого он получил письмо от леди Френсис, в котором содержался печальный упрек. «Когда ты был ребенком и потом подростком, мне было так приятно видеть, как ты всегда был готов принести извинения за плохой поступок, с благодарностью принимал порицание или предупреждение и легко отказывался

от своих требований, если они были неприятны другим. Мы верили в тебя, и ты оправдывал наше доверие, и мы все были счастливы и любили тебя».

Новобрачные решили совершить путешествие в Берлин, где Элис собиралась познакомиться с женским движением и его поддержкой со стороны социал-демократической партии Германии. Рассел хотел прослушать курс политэкономии в Берлинском университете и познакомиться в библиотеках, чтобы подготовиться к своему докладу в Тринити-колледж. Вместе с неослабевающим интересом к математике и философии его все больше начинали привлекать к себе социальные и этические проблемы. По возвращении из Берлина он написал свою первую книгу «Германская социал-демократия», которая вышла в свет в 1896 г. В ней он цитирует Энгельса и пишет, что «социальная демократия не просто одна из политических партий и не только экономическая теория; это полная и самодостаточная философия человеческого общества и его развития, иными словами, это религия и этика. Рассматривать труды Маркса или цели и убеждения его последователей лишь с узкой экономической точки зрения, значит не заметить ни сути, ни духа этих великих трудов». Интересно, что Рассел встречался с вождями партии Вильгельмом Либкнехтом и Августом Бебелем.

Случилось так, что его приятель Мак-Таггарт, впоследствии ставший известным философом, просил Рассела прочесть вместо него курс лекций, поскольку сам должен был по семейным обстоятельствам поехать в Новую Зеландию. Лекции были посвящены философии Лейбница, которого Вольтер сатирически представил в образе доктора Панглоса в своей повести «Кандид». Из этих лекций родилась третья книга Рассела

«Критическое объяснение философии Лейбница», увидевшая свет в 1900 г. В процессе работы над книгой Рассел пришел к убеждению, что идеализм как философское мировоззрение несовместим с идеей математической истины. Он начинает скрупулезное исследование оснований математики, которое отмечено выходом в свет книг: «Эссе об основаниях геометрии» (1897), «Принципы математики» (1903) и наконец трехтомного труда «Principia Mathematica» (1910—1912), написанного вместе с Уайтхедом. Благодаря этому труду имя Рассела было навсегда вписано золотыми буквами в историю математики.

Между тем казавшаяся вначале счастливой семейная жизнь супругов стала постепенно омрачаться несходством характеров и интеллектов, которое предвидела леди Френсис, умершая в 1898 г. В октябре 1899 г. началась англо-бурская война. «До этой войны, — писал Рассел, — мы хорошо ладили с Элис. Когда началась война, я принял ее очень близко к сердцу. Элис не могла этого понять — для нее как для иностранки эта война была чуждой. В начале войны я был более или менее империалистом. Но в ходе войны во мне произошла резкая перемена: во мне пробудились любовь к людям и ужас перед применением насилия — и неожиданно для себя самого я стал на сторону буров. Элис была удивлена и возмущена такой переменой. Однажды во время нашей беседы с друзьями она вдруг сказала, что не хотела бы иметь от меня ребенка. Вероятно, разрыв наших отношений никак не связан с этой войной, но в действительности он начался именно тогда». Но до разрыва было еще далеко.

Они продолжали жить вместе, вместе ездить летом на отдых, делая вид, будто ничего не случилось, и обма-

нывая даже близких друзей, которые не догадывались о том, что их любви пришел конец. «Полагаю, она (Элис. — *Перев.*) никогда не осознает, что у людей есть гораздо более важные интересы, чем хорошо одеваться и вкусно есть, — писал он и далее добавлял: — Я знаю, что я поступаю скверно, заставляя ее страдать; мне становится очень больно всякий раз, как я подумаю о ее одиноком существовании, когда я брошу ее». В начале 1905 г. Рассел записал в дневнике: «Я, по-видимому, победил чувство отчаяния и научился вести *modus vivendi* с Элис. Я стараюсь не смотреть на нее, и меня не трогают ее неискренние слова и неуклюжие движения».

Так проходил год за годом, и для Рассела стала привычной мысль, что его личная жизнь не удалась. Это настроение выражено в наброске, озаглавленном «Зачем люди продолжают жить?». Рассел спрашивает: «Для того, кто не верит в *«другой мир»* на небесах или же в мистическую трансфигурацию этого мира, существует ли какая-либо возможность усилить жажду жизни с помощью чего-то вроде надежды или убеждения, которые можно было бы назвать религиозными? На этот вопрос существует, — заключает он, — лишь отрицательный ответ». От этого мрачного настроения было, как всегда, только одно лекарство — работа. И проделанная Расселом вместе с Уайтхедом работа была выше человеческих сил. В течение девяти лет они трудились, не зная отдыха, над трехтомным трактатом, где были сотни страниц, испещренных символами, понятными лишь посвященным и еще более чуждыми, чем даже нотная запись музыки. Окончание работы вызвало у Рассела не чувство облегчения, а чувство пустоты. «В моей личной жизни, — писал он, не было ничего, кро-

ме ошибок. Я предал свои идеалы и не смог принести ни себе, ни другим счастья. В результате я привык относиться цинично к людям и личному счастью. И у меня остался только один идеал — моя работа. По крайней мере, в ней одной я не разочаровался и не пошел на компромиссы, которые губительны для веры».

Весной 1911 г. у Рассела начался роман с Оттолин Моррел, женой члена парламента Филиппа Моррела, с которым Рассел был знаком через своих друзей. Оттолин была моложе Рассела всего на год. Ее семейная жизнь была счастливой, у супругов подрастала дочь Джулиан. Рассел, познакомившись с Оттолин, узнал от нее, что она встречала его в детстве у знакомых и потом еще раз, когда он был уже студентом. Теперь, вспыхнувшая как пожар, любовь Рассела немного испугала ее, но благодаря встречам и особенно беседам с Расселом, он все больше нравился ей, и она в конце концов влюбилась в него. Конечно, сыграло свою роль и то, что ее отношения с мужем были уже чисто дружескими, и она еще не утратила способность любить. Их окружала толпа родственников, друзей и знакомых, так что скрыть любовную связь не было никакой возможности. Первым догадался о ней Логан Пирсол-Смит, старший брат Элис и близкий друг Филиппа Моррела. Он был в ярости и, не стесняясь в выражениях, высказал все, что он думает о Расселе своему другу Филиппу Моррелу. Как ни странно, тот очень спокойно воспринял этот донос и дал понять, что знает о романе своей жены с Расселом и не собирается устраивать из-за этого скандал для публики. И Элис, и Логану пришлось смириться с фактом. Элис согласилась жить отдельно, получая от Рассела деньги на жизнь и время от времени появляясь

вместе с ним на публике, чтобы люди не подумали, будто их семейная жизнь закончилась крахом.

Для Рассела все предвоенные годы были счастливыми. Хотя ему и Оттолин приходилось встречаться урывками, но иногда, во время летних каникул, они могли проводить вместе несколько дней. Оттолин в первые дни знакомства испытывала трепет перед острым, как бритва, интеллектом Рассела, но постепенно она стала на равных вести с ним дискуссии по философским вопросам. Она училась в Оксфорде в женском колледже и прослушала там курс философии и логики, так что ей нетрудно было в конце концов понять Рассела. Но и ему общение с Оттолин дало очень много. Высокое чувство красоты природы, музыки и поэзии, которым Оттолин обладала в высшей степени, и ее религиозные чувства оказались для Рассела заразительными, и перемена, давно назревавшая в нем, стала заметной для всех.

Некоторым стало казаться, что появился какой-то новый Рассел, более человечный, более снисходительный и терпимый к глупостям и противоречиям людей. Конечно, Оттолин пыталась пробудить в Расселе, как ей казалось, дремлющее религиозное чувство. Рассел очень любил Оттолин и очень хотел пойти ей навстречу, но любовь к истине оказалась сильнее любви к Оттолин, и это едва не привело к разрыву. К счастью, они помирились, оставшись каждый со своими взглядами и убеждениями.

В самый первый год их любовных отношений Рассел начал работать над книгой по философии, заказанной ему издательством, в котором выходили книги для самой широкой публики и продавались по самой низ-